

Игорь Зайцев. «Вспоминая Евгения Бебчука»

У всех шахматистов старшего поколения имя Евгения Александровича Бебчука неизбежно ассоциируется с энергичной и весьма предприимчивой общественной деятельностью этой запоминающейся личности, на протяжении всей своей жизни беззаветно влюбленной в шахматное искусство...

В своё время безвременный уход из жизни Евгения в 2005 году вызвал у меня желание поделиться своими воспоминаниями о нём. Вскоре я написал очерк-воспоминание, который был опубликован в одном из номеров журнала «64» в 2006 году под названием «Неопознанный Бебчук». Предлагаю его вниманию любителей шахмат.

«К семидесяти годам (число ойкумены) сообразно накопленному опыту каждому автору уже уместно рассуждать о высоких материях и участвовать в обсуждении разного рода философских проблем. Сейчас, когда моя память стремится извлечь из своих арсеналов все, что связано с особенностями вынесенной в заголовок довольно яркой в своих проявлениях личности, первое, что мне приходит на ум — поразительная способность этого человека, занимаясь самыми серьезными текущими проблемами, попросту говоря работой, параллельно, как бы походя, постоянно отслеживать все самое необычайное, происходящее в нашем мире.

Ни один не укладывающийся в рамки обычных представлений факт, казалось, не мог ускользнуть от его внимания. К тому же появлявшиеся в связи с очередным феноменом мысли он умел облекать в неожиданные словесные формы, от чего они приобретали еще более парадоксальное звучание. «Вы слышали... - начинал он, как бы между делом, одну из своих привычных атак на ваше воображение, — с помощью аэрофотосъемки на дне Саргассова моря обнаружили настоящие пирамиды». И в довершение мог добавить уже нечто от себя: «Ведь не исключено, что они до сих пор обитаемы».

Подобные экзерсисы его фантазии стали мне еще более понятными после одной нашей Встречи, произошедшей в Сочи более тридцати лет назад. По окончании чигоринского турнира, незадолго до отъезда, прогуливаясь от гостиницы до пирса, я увидел на набережной энергично шагающего навстречу моего давнего знакомого мастера Евгения Бебчука. Разговорились. Оказалось, что и у него срок служебной журналистской командировки подходит к концу. Нетрудно догадаться, что уже минут через пять мы единодушно сошлись на том, что у нас имеется хороший повод отметить эту неожиданную встречу у меня в номере...

Еще в начале шестидесятых годов на горизонте московских шахмат Евгений Бебчук был довольно заметной фигурой. Он с успехом выступал в представительных столичных турнирах, а его комментарии и теоретические статьи часто появлялись на страницах популярных изданий. Помню его основательные исследования по уточнению классической схемы шотландской партии, горячим приверженцем которой он оставался всю свою жизнь. Значительный аналитический вклад ему удалось также внести в теорию обоюдоострых вариантов сицилианской защиты и особенно защиты Пирца-Уфимцева.

О его завидной памяти, чудовищной работоспособности и невероятной тяге к обретению новых шахматных знаний среди моего поколения ходили легенды. В то время зарубежная шахматная литература была у нас большой редкостью, поэтому, рассказывали, что когда в руки Евгения попала одна очень приглянувшаяся ему книга, которую надо было назавтра возвращать, он за ночь переписал ее от корки до корки. Не знаю, правда, чего было больше в этих слухах — восхищения или зависти. Но, во всяком случае, из опыта личных

встреч с ним могу засвидетельствовать, что, даже разыграв заведомо редкий вариант, его практически невозможно было застать врасплох.

В те далекие годы оригинальных замыслов и энергии у Евгения Александровича, как говорится, было невпроворот. Поэтому в любом разговоре, при обсуждении любой темы инициатива всегда была на его стороне. И если так же напичканного самыми разнообразными идеями гроссмейстера Эдуарда Гуфельда я прилюдно величал «наш шахматный Дюма» (и он не отрекся), то Евгения Бебчука, даже когда он переключался в ранг крупных шахматных функционеров, я продолжал по инерции считать «шахматным Жюлем Верном» — ибо и в эту сферу он привнес размах своей недюжинной фантазии. Настолько, казалось бы, заведомо несбыточными выглядели его масштабные проекты (но самое поразительное, что многие из них каким-то образом реализовались). Евгений был чрезвычайно находчивым и остроумным собеседником и одним из лучших шахматных ораторов, каких мне доводилось слушать.

Как сейчас представляю его в бытность председателем Шахматной федерации России (на этой должности он проработал с 1993 по 1996 год), в светлой рубашке с коротким рукавом, свободно ведущим диалог в режиме обсуждения с большой гроссмейстерской аудиторией осенью 1991 года в подмосковном Подольске. Было довольно свежо, и когда объявили перекур, я в шутку полюбопытствовал почему он сегодня не во фраке? На это, не выпуская сигареты и мотнув головой в сторону, он отреагировал мгновенно: «А ... чтобы все видели, что я за словом в карман не лезу!».

Я уже отмечал, сколь сильна была в нем жажда новых знаний, в унисон этому в нем таилось и неистребимое желание постигнуть все Непознанное и Неопознанное (в этом смысле он очень напоминал своего знаменитого ростовского земляка гроссмейстера Игоря Захаровича Бондаревского).

...И вот в один из вечеров мы небольшой группкой из четырех человек (к нам присоединились известный на всю Россию наш постоянный «шахматный полпред» в Сочи Юрий Иванович Лобанов и кто-то из его знакомых, кажется, местный поэт Кузмин, бродим после ужина на небольшом пяточке между гостиницами «Приморская» и «Магнолия» и, буквально боясь проронить слово, слушаем не поддающийся никакому описанию захватывающий рассказ Евгения о его недавней поездке в Индию, где он «самолично» наблюдал хождение йогов по воде и другие запредельные чудеса.

Постепенно реальность как бы отступает на второй план, и, словно загипнотизированные всем услышанным, мы оказываемся подхваченными каким-то неодолимым потоком, над которым, похоже, не властна уже и сама смерть. Бывает, что за всю свою жизнь человеку всего лишь несколько раз выпадает счастье пережить такие райские мгновения...

Еще десятки, а то и сотни раз встречался я в последующие годы с Евгением, но именно этот молодой и жизнерадостный его облик, словно вышедший за пределы законов земного времени, навсегда запечатлен в моей памяти. И порой мне даже кажется, что, напрягись я посильнее, все события повторятся заново, начиная с этой ожившей картинки».

Чем объяснить, никак я не пойму.

Нас так влечет

соседство тьмы и света.

Мы ищем там

мучительно ответа По линии,

где свет уйдет во тьму.»

По Слову Бога

*выйдя из гробницы, И Лазарь вдруг
застыл у той границы, Ведь жизни нет
без тьмы, как и без света.*

Но Нечто есть —

на нем печать запрета.